

СЛОВО О МАМАРДАШВИЛИ

Гусейнов А.А. (Москва)

Уважаемые зарубежные гости! Уважаемые коллеги, друзья!

Мы собрались, чтобы отметить 80-летие со дня рождения и 20-летие со дня кончины философа Мераба Константиновича Мамардашвили. Но конференция наша не просто юбилейное мероприятие, дань памяти выдающегося человека, и не только возможность еще раз остановить внимание на его творчестве. Она в высшей степени актуальна, я бы даже сказал, злободневна, прямо вписывается в наши сегодняшние общественные и философские дискуссии.

С той трудной датируемой поры, когда начался демонтаж советского строя, и в особенности после того, как ровно 20 лет назад он рухнул, в обществе идут идейные и не только идейные споры об исторической природе русского коммунизма в том виде, в каком он более 70 лет существовал и доминировал в мире, овладев сознанием едва ли не половины всего человечества. Особенно остро и насущно этот вопрос стоит для нашей страны, которая и формально является правопреемницей СССР, и, по существу, складывается в процессе более или менее мирного, даже плавного перехода от старых советских форм жизни к новым, для обозначения которых еще не выработано даже общепринятого, клишированного понятия. Отношение к советскому прошлому — это сегодня, на мой взгляд, центральная проблема российского самосознания, основная линия напряжения и размежевания нашего общества, его внутренней дезинтегрированности. Краями пропасти, к которой тянут по видимости противоположные, но по существу одинаково опасные силы и падение в которую грозит государству и народу как минимум потерей исторической дееспособности, — такими краями являются бездумная апология советского прошлого и столь же бездумное его отрицание. Обе эти позиции идеологичны, тоталитарно идеологичны: одна нацеливает вернуться к советскому строю, исходя из того, что его крах был случайностью, другая призывает вычеркнуть его из бытия, так как его существование было случайностью, и начать заново жить от досоветского прошлого. Ошибочность и примитивность, умственная убогость таких подходов очевидна: нельзя войти дважды в одну и ту же реку, ни в

советскую, ни в царскую, и нельзя считать случайностью события, в которые втянуты сотни миллионов, миллиарды людей и которые в силу одного этого имеют исторический масштаб. Но взгляды эти живучи, действенны и останутся такими до тех пор, пока не будет выработан — интеллектуально осмыслен, практически выстрадан — другой подход, другой взгляд на этот предмет. До тех пор, пока бездумной апологии советского строя не будет противопоставлена серьезная, глубокая критика, а его голому, зряшному, как нас учили в университете, отрицанию — отрицание диалектическое, которое удерживает все рациональное, позитивное, открывает путь для движения вперед, перехода на качественно новую ступень.

Почему я говорю об этом на конференции, посвященной творчеству Мамардашвили? Мы, философы, можем сказать важное слово в упомянутом общественном споре. Мы можем сделать это не только прямым участием в нем, но также, и даже прежде всего, адекватным осмыслением своей собственной истории, судеб отечественной философии в контексте глубоких общественных перемен и катаклизмов, которые пережила страна в XX веке. Мамардашвили — из советской эпохи. Его, наверное, нельзя назвать советским философом, но он из той эпохи. Он не был одинок (в духовном смысле он, может быть, и был одинок, как и всякий большой философ), но в общественном смысле он одинок не был. У него была аудитория, достаточно сказать, что большая часть его наследия — это записи публичных лекций. Самое главное — он был в составе большого, оказывавшего огромное влияние на умы интеллектуального движения философов-шестидесятников, лидировал в нем. В истории русской философии, когда она в качестве национального звена включилась в единый процесс европейского философского развития, было два взлета: религиозная философия конца XIX — начала XX века и гуманистическая философия второй половины прошлого столетия. Наш Институт совместно с Институтом развития им. Г.П. Щедровицкого выпустил 21-томную исследовательскую серию «Философия России второй половины XX века». Там есть, конечно, и том, посвященный Мамардашвили. Недавно наше Центральное телевидение (канал «Культура») выпустило 5-серийный фильм «Отдел», в котором речь идет о философах-шестидесятниках, с особым акцентом на фигуру Мамардашвили. Словом, начался, или лучше сказать, не просто начался, ибо он уже идет давно, а вошел в интенсивную фазу процесс осмыс-

ления российскими философами своей собственной истории в том виде, в каком она складывалась в советские годы. Его результаты рано оценивать. Несомненно одно: нужно различать разные стадии философии в советские годы, в частности, не смешивать 30–40-е годы, которые были для философии провальными, и 60–80-е годы, когда философия возродилась и теоретически, методологически санкционировала начавшийся в стране гуманистический поворот. Кроме того, к каждой из этих стадий также надо подходить конкретно, ибо и в 30–40-е годы тоже шла позитивная философская работа, и в 60–80-е годы существовало философское убожество официальных учебников.

Если мы на примере философии сможем выработать адекватную модель нашей интеллектуальной истории, сможем связать все концы — начало XX века с сегодняшним развитием, если мы сможем понять, показать, доказать, что Соловьев, Франк, Бердяев, Лосев, Шпет, Асмус, Зиновьев, Ильенков — при всех своих различиях и в самих этих различиях — являются вехами единой отечественной философии, то мы несомненно поможем выработать такое отношение к прошлому, в том числе и к советскому прошлому, которое позволит обществу, народу обрести цельность национального самосознания, вернуть чувство исторического достоинства. В этом смысле фигура Мамардашвили очень ценна. Она ценна для понимания того, как в скорлупе советской идеологии вызревали и какие моменты этой идеологии питали идеи, которые опрокинули ее саму. Как философы в советских условиях формировали другие, несоветские, смыслы. Гегель характеризовал философию как эпоху, схваченную в мысли. Что, конечно, верно. У философии есть еще и другое предназначение: прозревать, открывать эпоху, создавать ее.

Это один момент, определяющий актуальность нашей конференции: соотнести творчество Мамардашвили со временем, в котором он жил, выявить разрывы и линии преемственной связи того времени и наших дней.

Не менее актуальным является также исследование самого его творчества, которое неизбежно развернется в разговор о философии и философах, их месте и роли в культуре. Мамардашвили был, если можно так выразиться, чистым философом. То, чем он занимался и как он занимался, представляет собой исключительное дело философии, одной лишь философии, в силу чего она, будучи связана со всем массивом культуры, стоит тем не менее особняком. Мамардашвили разделил судьбу и

привилегию больших философов остаться не до конца понятым и стать предметом самых различных интерпретаций и даже оценок. Много говорится о нем как человеке, яркой личности, об отношении к нему окружающих, о его женских увлечениях, но меньше сказано о том, какое слово, какую интеллектуальную весть он нес людям. Было бы хорошо, если бы конференция высветила, придала больше определенности его фигуре как философа, продвинула нас в понимании его идей.

Не будучи знатоком трудов Мамардашвили и не претендуя на многое, я тем не менее хотел бы высказать одно соображение. Он как философ пользовался естественным общепонятным русским языком в том смысле, что не прибегал к помощи какого-либо специального формального аппарата. Но при этом он говорил о вещах совершенно неочевидных, и для того, чтобы передать эту неочевидность, он употреблял слова в непривычных значениях, прибегал к совершенно неожиданным сочетаниям слов, конструкциям предложений, в результате чего его речь оказывалась непонятной, заключающей в себе принципиальную многозначность — такую многозначность, что про любую интерпретацию он мог бы сказать, что он рассуждает не о том. Специальным предметом его интереса было мышление. И он понимал, что мышление можно постичь только мыслью. Его философский пафос состоял в том, чтобы дойти до истоков мышления, до рождения мысли, чтобы понять мысль как событие. Мамардашвили, если я правильно его понимаю, пытался истолковать само рождение мысли как акт свободы. Идея, связывающая свободу с разумной сущностью человека, с его мышлением, не является, конечно, новой; она составляет то, что можно было бы назвать мейнстримом европейской философии. Но истолкование акта мысли в качестве акта свободы — это, пожалуй, нечто действительно новое. Обоснование, развертывание, доказывание этого тезиса оказывается одновременно философской санкцией полного духовного и интеллектуального раскрепощения личности, ее возвышения до базисной основы общества. Идея индивидуальной свободы, обретаемой в событии мысли, — не это ли было словом Мамардашвили?

Ему принадлежит высказывание, что предельные абстракции осуществляются. Я понимаю это так, что они суть факты бытия. Стараясь дойти до истоков мышления, он хотел дойти до истоков бытия. Он обосновывал автономность мышления. Понятно, с чем и за что он как философ боролся. Этот пафос авто-

номии мышления, я бы сказал, интеллектуального самозакондательства и на сегодняшний день остается ценностью, которую мы должны отстаивать как философы. Простой факт: к нам на конференцию не смогли приехать коллеги из Грузии — они не смогли получить визы. Так политика отнимает у нас свободу, которая искони принадлежит нам как существам разумным. Отнимает не так прямо, грубо, как то было в случае философшестидесятников, но все равно оказывается на пути. Мы должны противостоять этому, чему, по-моему, творчество Мамардашвили и учит.

Разрешите открыть нашу международную конференцию и еще раз от имени Института философии Российской академии наук выразить вам, ее участникам, глубокое уважение.

Социокультурный контекст и философия Мамардашвили
